

УДК 94 (560) "1920/1939"

Казачьи эмигранты в чаталджинских лагерях в 1920-1921 гг.

Олег Валерьевич Ратушняк

Кубанский государственный университет, Российская Федерация
350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: oleg_ratushnyak@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется жизнь казаков-эмигрантов в Чаталджинских лагерях. Показан процесс эвакуации казаков из Крыма после разгрома Русской Армии генерала П.Н. Врангеля. Проанализированы размещение казаков на территории Турции и условия их пребывания в лагерях для беженцев и интернированных лиц. Установлена численность казачьих частей и беженцев в Чаталджинском районе Турции и причины ее изменения. Отмечена роль французского правительства и командования французскими вооруженными силами в размещении и содержании казаков в чаталджинских лагерях.

Ключевые слова: казачья эмиграция; казаки-эмигранты; донское казачество; Турция, чаталджинские лагеря.

Введение. Изучение российской эмиграции в российской историографии активно разрабатывается с середины 1980-х гг. На протяжении практически тридцати лет историками выявлены и введены в разработку значительное количество научных проблем, в том числе касающихся военной и казачьей эмиграции. Собирая по крупицам материалы о тех или иных явлениях фактах эмигрантской жизни, исследователи постепенно воссоздают более широкое полотно истории Российского (в том числе и казачьего) Зарубежья. Впоследствии созданный исторический фон позволяет в новом свете взглянуть на те или иные события и факты, провести их анализ на более качественном уровне. К подобному рода работам относится и данная статья. Автор уже затрагивал проблему пребывания казаков в Чаталджинском районе в первый год своей эмиграции [1]. Целью настоящей статьи является более качественный анализ организации службы и быта казаков-эмигрантов, взаимоотношений внутри казачьей среды в новых условиях.

Материалы и методы. Источниковая основа исследования базируется преимущественно на документах российской (в том числе и казачьей) эмиграции, хранящихся в фондах Государственного архива Российской Федерации, а также на материалах казачьей эмигрантской периодики. В рамках исследования использовались историко-ситуационный, сравнительно-исторический и историко-генетический методы.

Обсуждение проблемы. В ноябре 1920 г. Русская Армия генерала П.Н. Врангеля была вывезена из Крыма. Вместе с ней выехало и значительное число гражданских беженцев. Гражданские беженцы были распределены первоначально в четырех государствах – Болгарии, Румынии, Греции и Турции (преимущественно в районе Константинополя). Военские части расположились следующим образом: 1-й Армейский корпус под командованием генерала А.П. Кутепова в Галлиполи, Донской корпус под командованием генерала Ф.Ф. Абрамова и группа казаков Терско-Астраханской бригады во главе с генералом К.К. Агоевым в Чаталджинском районе, Кубанский корпус (переформированный в дивизию) под командованием генерала М.А. Фостикова на о. Лемнос [2].

В Чаталджинском районе донцы располагались в четырех лагерях (Чилингир, Хадем-Киой, Санджак-Тепе, Кабакджа) находившихся в 75–100 км от Константинополя.

Всего в чаталджинских лагерях было размещено более 20,5 тыс. донцов, из них: более 18,5 тыс. донцов числились в строевых частях Донского корпуса и 1880 человек относились к гражданским беженцам. Кроме того, в Санджак-Тепе располагалось около 1,5 тыс. кубанцев, терцев и астраханцев и 739 человек из состава 1-го Армейского корпуса [3, с. 16, 24, 45].

Наиболее крупными по численности были лагеря в Санджак-Тепе (более 10,5 тыс. человек) и Чилингире (около 8 тыс. человек).

Первоначально большинство казаков были размещены в старых деревянных бараках или овчарнях. Однако они практически не были пригодны для нормального существования. К тому же численность казаков в них в среднем превышала примерно в 6 раз допустимую норму [4]. Поэтому со временем многие казаки переходили жить в вырытые ими землянки, которые были более теплыми и удобными. Некоторые казаки, преимущественно семейные и относительно обеспеченные, проживали за пределами лагеря в деревне Чилингир в турецких и греческих семьях.

В Хадем-Киой размещался штаб Донского корпуса с конвойной сотней и корпусный лазарет. Условия их размещения были намного лучше по сравнению с другими лагерями. Штаб располагался в турецкой гостинице и нескольких отдельно стоящих постройках, лазарет был размещен в двухэтажном каменном здании (бывший амбар), а конвойная сотня – в теплом и удобном бараке. В силу того, что интендантство Донского корпуса также располагалось в Хадем-Киой, население данного лагеря практически не испытывало проблем с продовольствием, обмундированием и предметами первой необходимости [3, с. 26]. Учитывая соединение лагерей Хадем-Киой и Санджак-Тепе узкоколейкой, в последнем лагере также была относительно благоприятная обстановка с поставками продовольствия. В других лагерях (Кабакджа и Чилингир) казаки часто вынуждены были самостоятельно добывать себе пропитание. Они занимались охотой, рыболовством, подрабатывали в ближайших деревнях, чаще всего тут же покупая себе за заработанные деньги продукты [3, с. 24]. Большинство казаков организовывали так называемое котловое питание, объединяясь или по принципу принадлежности к определенному подразделению (строевые казаки) или по принципу происхождения из одной станицы (гражданские беженцы).

Самой большой проблемой в лагере Санджак-Тепе было отсутствие воды и топлива. Практически все свободное время казаки были заняты тем, чтобы обеспечить ими свой лагерь. Ближайший источник воды располагался в 1,5 км от лагеря, а лес, в котором казаки добывали дрова – в 5,5 км.

Учитывая тот факт, что казаки в большинстве традиционно были хорошо приспособлены к тяжелому физическому труду, все тяжести жизни в условиях лагерей переносились ими относительно легче, чем чинами 1-го Армейского корпуса. Они гораздо быстрее адаптировались к новым суровым условиям существования, необходимости самим заботиться о своем обеспечении пищей, водой, кровом, теплом. Хотя в моральном плане осознание поражения в ходе гражданской войны, оторванность от дома и своих семей, жизнь в чужой стране, с чужими нравами и обычаями действовали на казаков также угнетающе как и на большинство российских эмигрантов.

Тяжелые условия существования, недостаточное питание являлись причиной распространения в чатадджинских лагерях малярии и простудных заболеваний. Более того, в декабре 1920 г. одном из лагерей (в Чилингире) началась эпидемия холеры. Это было самое тяжелое время для населения лагеря, т.к. в целях предотвращения распространения заболевания в лагере был объявлен карантин и ограничена связь с внешним миром. Более того, лагерь был взят французами и русскими в два кольца окружения с тем, чтобы воспрепятствовать всяческому контактам [3, с. 16].

Стремясь сохранить наиболее боеспособный контингент, главнокомандующий Русской Армией генерал П.Н. Врангель 21 ноября 1920 г. издал приказ, в соответствии с которым определенное количество военнослужащих были переведены на положение гражданских беженцев. В первую очередь это касалось больных, раненых и возрастных солдат и казаков. Кроме того, были сокращена штатная численность частей, что должно было облегчить содержание оставшихся в строю полагающимся довольствием [3, с. 54].

П.Н. Врангель и командиры частей всячески старались поддерживать боевой дух и воинскую дисциплину среди тех, кто остался в строю. Как одно из средств поддержания дисциплины был перевод военнослужащих в категорию гражданских беженцев в случае ее нарушения. Необходимо отметить, что ряд военнослужащих в силу различных условий сами стремились перейти на беженское положение. Все это привело к уменьшению численности Русской Армии и увеличению контингента гражданских беженцев. Так, среди донских казаков только за два месяца (с 1 декабря 1920 г. по 3 февраля 1921 г.) численность гражданских беженцев увеличилась почти в два раза [5, с. 35].

Однако нахождение гражданских беженцев на одной территории с теми казаками, которые остались в составе своих частей, в определенной степени способствовало подрыву

дисциплины и распространению среди военнослужащих непослушания и дезертирства. Наиболее заметно это было в тех лагерях, где процент гражданских беженцев был наиболее высок (например, в Чилингире).

Тяжелые условия жизни заставляли казаков бежать из лагерей. Побегι проходили как в одиночном порядке, так и целыми группами. Интересен тот факт, что все же одиночные побегι среди казаков были крайне редки. Причинами данного явления были: стремление казаков (особенно с одной станицы) держаться вместе, а также тот факт, что группе беглецов было проще справиться с опасностями, которые поджидали их во время перехода в другие государства. Главными инициаторами и участниками побегов были гражданские беженцы, которые провоцировали на побег и казаков из числа военнослужащих. Бежали преимущественно казаки, которые стремились всеми путями вернуться в родные края. Перевалочными местами, куда устремлялись бегущие, были Болгария, Греция и Румыния.

Судьба, бежавших из лагерей, часто была трагичной и незавидной. Многие погибали от холода и голода или становились жертвой нападения местного турецкого населения. Основной причиной нападения было стремление ограбить бежавших [6]. Многие казаки, из тех, кто остались живы, после нескольких дней и недель скитаний возвращались обратно в лагерь. Строевых казаков ждал трибунал и, в лучшем случае, перевод на положение гражданских беженцев. Однако все это не останавливало новые партии бежавших, побегι из лагерей были весь период пребывания в них казаков. Побегι стали наиболее частыми, когда казаки узнали о том, что русское командование по согласованию с французами собирается организовать их отправку на о. Лемнос в Эгейском море. Среди казаков циркулировали слухи, что это непригодный для жизни остров, с которого вообще не будет никакой возможности выбраться [7].

Во многих лагерях образовались своеобразные мини-рынки («толкучки»). Основными предметами торговли было обмундирование, выданное казакам или украденное с армейских складов. По мнению командования Донского корпуса «толкучки» способствовали моральному разложению воинского контингента. Командир Донского корпуса Ф.Ф. Абрамов неоднократно издавал приказы, запрещавшие всякую торговлю и тем более торговлю казенным имуществом. В одном из распоряжений приказывалось «всех шатающихся по рынку и улицам Хадем-Киоя казаков и солдат с предметами казенного обмундирования, белья и обуви в руках, арестовывать, а казенные вещи отбирать для передачи действительно неимущим» [8].

Главной мерой устрашения и воздействия на военнослужащих были военно-полевые суды. В то же время в казачьих частях делались попытки использовать и другие меры воздействия, например, авторитет старших казаков. Именно к ним обратился Ф.Ф. Абрамов в очередном приказе, направленном на борьбу со спекуляцией и кражами: «К вам, отцы, славные честные казаки, обращаюсь я за помощью в борьбе с постыдной продажей казенного обмундирования и белья. Помогите своим отеческим внушением малому, свихнувшемуся с честной дороги казаку. Заставьте его быть таким же честным, как вы» [8]. Значение авторитета старших казаков способствовали и тому, что случаи неповиновения своим командирам в казачьих частях были крайне редки. В большей степени они проявлялись среди так называемых иногородних, которые в силу географического соседства оказались в казачьих подразделениях.

В воинских частях дисциплина поддерживалась и постоянными занятиями с военнослужащими, преимущественно строевой и тактической подготовкой. В то же время муштра, непонятная некоторым казакам в условиях беженского существования также являлась одной из причин бегства или перехода на положение гражданских беженцев.

Большое распространение среди казаков получило изготовление различного рода поделок, а также полезных вещей, таких как: ложки, кружки, лампы. Командование Донского корпуса всячески это поощряло и приветствовало организацию разного рода мастерских и прачечных. Более того на их оборудование в каждом полку были выданы денежные суммы в размере 50 турецких лир [8]. Мастерские являлись и хорошим местом получения ремесленных навыков, что впоследствии пригодилось многим беженцам в тяжелых условиях существования на положении эмигранта. В мастерских работали и проходили обучение ремесленному делу не только рядовые казаки, но и офицеры. В лагере Кабакджа ряд мастерских (сапожная, столярная, слесарная и портняжная) были открыты Всероссийским земским союзом.

Командование Донского корпуса заботилось также о повышении культурного и образовательного уровня казаков, а также об организации их досуга. Во всех лагерях были открыты начальные школы, в которых рядовые казаки обучались грамоте, и общеобразовательные курсы для казаков-офицеров. Особенно значимыми были для казаков курсы иностранного языка (преимущественно французского или английского). Популярностью в лагерях пользовались библиотеки («читальни»), в которых помимо книг имелись газеты и различные информационные бюллетени, рассылавшиеся штабом Донского корпуса.

В Кабакдже и Санджак-Тепе из казаков были организованы театральные труппы, представления которых посещали не только обитатели лагерей, но и местные жители, а также французы. Среди постановок была не только классика, но и пьесы, написанные непосредственно во время лагерной жизни, в которых затрагивались значимые и актуальные вопросы.

Правительство Франции и Англии настораживало сосредоточение в одном месте (тем более вблизи от Константинополя) вооруженных контингентов Русской Армии П.Н. Врангеля. Ими (и, в первую очередь, французами) предпринимались различные попытки по рассредоточению российских беженцев, а также по переводу военнослужащих Русской Армии на положение гражданских беженцев. Более того, французские власти поддерживали и идею возвращения эмигрантов на родину и в определенной степени способствовали ее реализации. Одним из вариантов рассредоточения воинских контингентов Русской Армии П.Н. Врангеля был план по переводу Донского корпуса на о. Лемнос. Хотя, рассредоточением его вряд ли правомерно называть, так как, наоборот, происходило своеобразное объединение казачьих частей. Видимо, поэтому ни П.Н. Врангель, ни атаман Всевеликого войска Донского генерал А.П. Богаевский особенно этому не противились. Но, удалить данным образом одно из боеспособных соединений Русской Армии от Константинополя французам все же удалось.

К началу января П.Н. Врангель окончательно согласовал с французскими властями вопрос о перевозке Донского корпуса из Чаталджинского района на о. Лемнос, на котором планировалось свести вместе все казачьи части [9]. К этому времени произошло и своеобразное политическое объединение казаков в форме Объединенного совета Дона, Кубани и Терека, который образовали атаманы и председатели правительств Донского, Кубанского и Терского казачьих войск (позже к ним примкнули и астраханцы).

Большинство донцов были перевезены на Лемнос в середине января 1921 г. (около 4,5 тыс. казаков, преимущественно из лагеря Санджак-Тепе). К марту 1921 г. на остров были перевезены практически все казаки (как строевые, так и гражданские беженцы).

Несмотря на обещанное воссоединение на Лемносе казачьих частей, многих казаков сам факт перевода на остров настораживал. В первую очередь казаков пугала мысль, что с острова нельзя убежать. Пугали и различные слухи о тяжелых бытовых условиях на острове [10]. Ведь, к этому времени многие казаки уже обжились в лагерях и не хотели переезда на новое место. Масло в огонь подливали некоторые казачьи офицеры, которые видели в казаках определенную не только военную, но и политическую силу. Они считали, что рядом с Константинополем эта сила представляется более значимой, чем части заброшенные на далекий остров [11]. Поэтому в казачьей среде частью офицеров распространялись различные ужасные слухи об участи, которая ждала казаков на острове. Эти слухи еще более накаляли обстановку в чаталджинских лагерях.

С переездом на Лемнос был связан и один инцидент, произошедший в лагере Санджак-Тепе и выразившийся в неповиновении казаков французским властям и даже в своеобразном восстании. Поводом к столкновению послужили грубые действия французских военных, обеспечивавших отpravку на Лемнос. Столкновение спровоцировало уход ряда казаков из лагеря. При этом уходили не только одиночки, но и фактически две сотни казаков калединского полка.

По мнению генерала П.Н. Врангеля инцидент в Санджак-Тепе был спровоцирован грубыми действиями французов. Атаман Всевеликого войска Донского А.П. Богаевский считал, что в данном случае были замешены агенты большевиков, воздействовавшие на невежественную казачью массу и провоцировавшие ее на неподчинение командованию [11].

Командование Донского корпуса пыталось найти различные стимулы и методы воздействия на казаков, чтобы обеспечить их переезд на Лемнос. Так, в одном из приказов,

казакам обещали выдать новое обмундирование, обувь и белье по прибытии на остров. В другом приказе казаков, не погрузившихся на корабли для переезда на Лемнос, командование грозило снять с довольствия [12].

В конечном счете, предпринятые меры дали свои плоды, и переезд на остров казаков из Чаталджинского района состоялся. При этом были перевезены как строевые части, так и гражданские беженцы. Практически все они были расположены в так называемом Мудросском лагере.

Всего на Лемнос было перевезено более 8,5 тыс. донских и некоторая часть терских казаков. Все казачьи части на острове, включая донские и кубанские, были сведены в Лемносскую группу войск Русской Армии. Возглавил ее командир Донского корпуса генерал Ф.Ф. Абрамов.

Из оставшихся в лагерях Чаталджи 3780 человек вернулись в Советскую Россию, около 1,5 тыс. донцов переехали в Чехословакию, 250 выходцев с Дона были вывезены на о. Халка, 86 – перевезены в Венгрию и оставшиеся 476 донцов переведены в Галлиполи в расположение 1-го Армейского корпуса. Остальные донцы и терцы перешли на собственное иждивение и либо остались в Турции (в основном в Константинополе и его окрестностях), либо переехали в Болгарию, Грецию или Сербию [13, с. 70]. Некоторое количество населения чаталджинских лагерей умерли от ран и болезней, а также были убиты при переходе турецкой границы.

Заключение. Таким образом, анализ пребывания казаков в чаталджинских лагерях позволяет констатировать ряд фактов и положений. Во-первых, Чаталджинский район в Турции был преимущественно местом дислокации донских казаков, как строевых, так и гражданских беженцев. Во-вторых, данная ситуация сложилась в результате целенаправленных действий генерала П.Н. Врангеля скоординированных французскими властями. В-третьих, в тяжелых условиях лагерной жизни часть строевых казаков предпочитали перейти на положение гражданских беженцев. В-четвертых, большинство казаков предпочитали держаться вместе со своими станичниками и однополчанами. Случаи одиночных уходов из лагерей были крайне редки. В-пятых, привычным к походным условиям жизни и к тяжелому физическому труду казакам, было относительно легче адаптироваться к суровым условиям жизни в чаталджинских лагерях.

Примечания:

1. Ратушняк О.В. Южнороссийское казачество в первый год своей эмиграции // Проблемы истории казачества: сб. науч. тр. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1995. С. 132–149; Ратушняк О.В. Казаки в Чаталджинских лагерях и на Лемносе // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края. Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар. Том 1 (22). 2006. С. 195–209; Ратушняк О.В. Казачество Юго-Востока Европейской части России в первый год своей эмиграции (1920–1921 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 1 (17). С. 31–39; Ратушняк О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.). Краснодар: Кубанский гос. ун-т. 1997. 164 с.

2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6269. Оп. 1. Д. 40. Л. 38.

3. Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920–1922 гг. Белград, 1924.

4. ГАРФ. Ф. 5935. Оп. 1. Д. 44. Л. 2.

5. Отчет о деятельности Донского правительства за границей по 25.09.21. Константинополь, 1921.

6. ГАРФ. Ф. 5768. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

7. Там же. Ф. 5935. Оп. 1. Д. 15. Л. 31, 37–38; Ф. 5881. Оп. 2. Д. 273. Л. 10, 12, 15–20.

8. Там же. Ф. 6711. Оп. 3. Д. 75. Л. 2.

9. Там же. Л. 2–3.

10. Там же. Ф. 5935. Оп. 1. Д. 15. Л. 37–38.

11. Там же. Л. 47–48.

12. Там же. Ф. 6711. Оп. 3. Д. 75. Л. 3а.

13. Ратушняк О.В. Казачество в эмиграции (1920–1945 гг.). Краснодар: Кубанский гос. ун-т. 2013.

UDC 94(560) "1920/1939"

The Cossack emigrants in Çatalca camps (1920–1921)

Oleg V. Ratushnyak

Kuban state university, Russian Federation
Stavropolskaya Str., 149, Krasnodar 350040
PhD (History), Associate Professor
E-mail: oleg_ratushnyak@mail.ru

Abstract. The article analyzes the life of the Cossack emigrants in Çatalca camps. It is shown the process of Cossacks' evacuation from Crimea after the defeat of the Russian Army of P.N.Vrangel. The Cossacks' location in Turkey and conditions of their living in refugee and internee camps are being analyzed. The number of the Cossack troops and refugees in Çatalca area and reasons for its change are being established. The role of the French government and military command in disposition and maintenance of Cossacks in Çatalca camps is being noted.

Keywords: Cossack emigration; Cossack-emigrants; Don Cossacks; Turkey, Çatalca camps.